А. А. Трофимов
Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС; artemii.trofimov@gmail.com

Ведийские основы *vā́r-*, *udán-* и *udaká-* ‘вода’: их парадигматические и этимологические отношения[1]

В данной статье рассматриваются три ведийские основы *vā́r-*, *udán-* и *udaká-*, имеющие значение ‘вода’, в контексте гипотезы о том, что в ведийском была супплетивная парадигма *vā́r-*/*udán-*, и праформа первой, **u̯e/oh₁r*, и второй, **ud-en-*, родственны. Согласно этому мнению, высказанному М. де Ваном и А. Лубоцким, в праиндоевропейском действовал фонетический переход **d* > **h₁*, поэтому *vā́r-* происходит из номинатива-аккузатива **u̯od-r*, а *udán-* — из косвенной основой **ud-en-* праиндоевропейского гетероклитического имени ‘вода’. Исследование показывает, что в ведийском *vā́r-*и *udán-* действительно могли представлять собой супплетивную парадигму, но при этом на глубинном уровне праформы **u̯e/oh₁r* и **ud-en-* не являются когнатами: праязыковым значением отдельного праязыкового имени **u̯e/oh₁r* было ‘влага, сырость’, именно из этого значения могли произойти все засвидетельствованные значения его континуантов, в том числе авест. *vāra-* ‘дождь’; лат. *ūrīnor, ūrīnāri* ‘погружаться в воду, нырять’, *ūrīna* ‘моча’; др.-ирл. *fír* ‘молочный; молоко (глосса)’, др.-валл. *gwir-awt* ‘крепкий напиток’; др.-исл. *úr* ‘мелкий дождь, морось’, др.-англ. *úrig-* ‘росистый’ (в составе композитов); др.-прус. *wurs* ‘пруд’ и т. д. Примечательной параллелью подобного семантического развития служит праслав. **moča*/**močь* ‘влага, сырость’, рефлексы которого в славянских языках имеют значения ‘влага, сырость’, ‘дождь’, ‘дождливая погода’, ‘болото’, ‘моча’ и т. д. В статье также показывается, что необычный фонетический облик и.-е. **u̯e/oh₁r-* не является основанием обязательно членить данную основу на корень **u̯eh₁-* и суффикс **-r*, как и, например, **i̯eh₁r-* ‘год’. В заключение анализируются некоторые примеры на переход **d* > **h₁*; делается вывод, что они не обладают достаточной степенью убедительности, а фонетические условия данного фонетического перехода неясны. В свете полученных данных соотношение основ *vā́r-*, *udán-* и *udaká-* видится следующим: закономерный гетероклитический номинатив-аккузатив *#vā́dar* не сохранился и был замещен похожим по форме номинативом-аккузативом *vā́r-* /*váar*/ ‘влага, сырость; дождь’, после чего последний стал значить ‘вода’, хотя и сохранял в ряде случаев такие свои старые значения, как ‘влага’ или ‘дождь’. Позднее и *vā́r-*, и *udán-* были вытеснены именем *udaká-* ‘вода’, которое родственно *udán-* и начинает служить базовым обозначением воды уже в Атхарваведе.

Ключевые слова: праиндоевропейский язык, ведийский язык, супплетивные парадигмы, семантические сдвиги, семантическая реконструкция.

В статье, посвященной парадигме ведийского обозначения воды, А. Лубоцкий рассматривает соотношение трех основ с этим значением, засвидетельствованных в ведийском: *vā́r-*, *udán-* и *udaká-* (Lubotsky 2013)[2].

---

[1] Мне хотелось бы поблагодарить М. А. Живлова за критическое обсуждение вопросов, затрагиваемых в статье, а также М. Н. Саенко и анонимного рецензента за прочтение черновой редакции работы и указание на ряд содержавшихся в ней упущений и недочетов.

[2] Остальные ведийские обозначения воды, вроде *ap-*/*ā́p-* ‘вода/воды; поток’ (часто в разного рода ритуальных контекстах) (Rivelex I: 258–261), не рассматриваются А. Лубоцким и не будут рассмотрены мной, потому что они не претендуют на базовое обозначение воды в ведийском и не связаны этимологически с рассматриваемыми в статье лексемами.

Сначала он отвергает идею Я. Вакернагеля, поддержанную составителями ведийского словаря Rivelex, согласно которой старый гетероклитический именительный-винительный падеж основы *udán-* замещался основой *udaká-* с суффиксом *-ka*, имевшим в том числе диминутивное и собирательное значения (Wackernagel 1975: 316; Rivelex II: 314), на том основании, что *udaká-*, по его мнению, обладает несколько иной семантикой, а именно обозначает ‘воду (для питья)’ (Lubotsky 2013: 159).

Далее А. Лубоцкий находит примеры употребления основ *vā́r-* и *udán-* в сходных контекстах формульного характера, при этом наблюдается их дополнительное распределение в языке Вед, а именно: *vā́r-* употребляется только в именительном и винительном падежах, а *udán-* — в косвенных[3] (Lubotsky 2013: 160–161):

RV 10.12.3d duhé yád énī divyáṃ gʰr̥táṃ **vā́ḥ**
‘…Чтобы пестрая (корова) доилась небесным жиром, водой’[4].

RV 10.99.4cd apā́do yátra yújyāso 'ratʰā́
droṇyàśvāsa ī́rate gʰr̥táṃ **vā́ḥ**
‘…Когда союзники его без ног, без колесницы,
С чанами-конями льют жир и воду’.

ŚS 3.12.4c (= PS 3.20.4, 7.6.6) ukṣántu **ūdná** marúto ghr̥téna
‘Let the Maruts sprinkle (it) with water, with ghee’.

Учитывая засвидетельствованные случаи двусложного скандирования /*váar*/ в Ригведе, А. Лубоцкий реконструирует данное слово как **vaHar* < и.-ир. **vaH-r̥* < и.-е. **u̯e/oh₁-r*. Исследователь предлагает считать, что в ведийском существовала супплетивная парадигма *vā́r-* (им.-вин. п.)/*ud-án-* (косвенные падежи) ‘вода’, которая восходит к праиндоевропейской парадигме **u̯oh₁-r* или **u̯eh₁-r* (им.-вин. п.), **ud-en-* (косвенные падежи) ‘вода’. По своему происхождению эта парадигма, по мнению А. Лубоцкого, на самом деле не является супплетивной: в номинативе-аккузативе **u̯oh₁-r-* первый ларингал продолжает и.-е. **d*, соответственно, ее первоначальный вид был следующим: */u̯od-r/* (им.-вин. п.), */ud-en-/* (косвенные падежи). А. Лубоцкий подкрепляет свое мнение указанием на фонетический переход и.-е. **d* > **h₁* в таких формах, как греч. ἕκατον ‘100’, а также указывает на ряд корней праязыка, в которых можно усмотреть колебание **d* ~ **h₁*; переход **d* > **h₁* в именительном-винительном падеже слова ‘вода’ при этом происходит в конечном кластере **-dr*, который в праиндоевропейском не имеет аналогов (Lubotsky 2013: 162–163).

Ранее подобную же праиндоевропейскую реконструкцию на основе латинского материала предложил М. де Ван: в своем этимологическом словаре латинского языка он приходит к выводу о первоначальной семантике ‘вода’ для слова *ūrīna* ‘моча’ на основании значения его дериватов *ūrīnor* ‘погружаться в воду, нырять’, *ūrīnātor* ‘ныряльщик, водолаз’ и замечает, что имеет смысл говорить о производности и.-е. **u̯e/oh₁r* от и.-е. **u̯od-r*, кратко указывая на некоторые из примеров на переход **d* > **h₁*, упоминаемые и А. Лубоцким (de Vaan 2008: 644).

В своей статье я рассмотрю все три ведийские лексемы со значением ‘вода’ и аргументы А. Лубоцкого, касающиеся их и их предполагаемого индоевропейского происхо-

[3] Основа среднего рода *udán-* употребляется в Ригведе 21 раз непременно в косвенных падежах как единственного, так и множественного числа; основа среднего рода *vā́r-* все 11 раз встречается только в именительном и винительном падежах.

[4] Здесь и далее переводы мест из Ригведы даны по (Елизаренкова 1988-1999), за исключением некоторых мест, трактовка которых у Т. Я. Елизаренковой неопределенна; в таком случае приводится английский перевод по (Brereton & Jamison 2014).

ждения, и постараюсь установить, действительно ли предполагаемая ведийская супплетивная основа для обозначения воды возникла в результате перехода **d* > **h₁* в праиндоевропейской праформе **u̯od-r*.

Аргументируя свое несогласие с точкой зрения Я. Вакернагеля относительно того, что в ведийском роль именительного-винительного падежей имени *udán-* играла форма *udakám*, А. Лубоцкий делает следующее утверждение о семантике этих основ: согласно его точке зрения, основа *udán-* значит «просто ‘вода’»[5], а «*udaká-* в древнейших текстах имеет другой оттенок значения, а именно ‘вода (для питья)’»[6] (Lubotsky 2013: 159). На мой взгляд, подобное семантическое разграничение ‘просто вода’ / ‘вода (для питья)’ в данном случае выглядит искусственным. Во-первых, значение ‘вода для питья’ чаще всего входит в базовое определение ‘прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озёра, моря и представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом’ (БТС: 139) по той причине, что именно использование воды для питья является наиболее естественным применением. По крайней мере, в индоевропейских языках мне неизвестно подобное семантическое разграничение и А. Лубоцкий не приводит типологических параллелей, его доказывающих. Во-вторых, основа *udaká-* засвидетельствована не только в узком значении ‘питьевая вода’, ср.:

RV 10.166.5d-f
ad^{h}aspadā́n ma úd vadata
maṇḍū́kā ivodakā́n
maṇḍū́kā udakā́d iva
‘Из-под ног моих обращайтесь (ко мне) снизу вверх,
Как лягушки из воды,
Как из воды лягушки!’

Основа *vā́r-* также эксплицитно употребляется в значении ‘вода для питья’, что дополнительно доказывает ненужность вводимого противопоставления:

RV 1. 116. 22a-b
śarásya cid ārcatkásyāvatā́d ā́
nīcā́d uccā́ cakrat^{h}uḥ pā́tave vā́ḥ
‘А для Шары, сына Ричатки, из колодца
Вы достали воду для питья снизу — вверх’.

В менее показательном, но все же напрямую связанном с питьем контексте засвидетельствована и основа *udán-*:

RV 10.102.4a
udnó hradám apibaj járhṛ̥ṣāṇaḥ
‘Возбужденный, он выпил море воды’.

Заключая предварительное рассмотрение семантики трех ведийских лексем, необходимо резюмировать: все они имеют основное значение ‘вода’ и могут употребляться в сходных контекстах, несмотря на наличие тех или иных коннотаций, которые будут рассмотрены далее. Таким образом, на мой взгляд, имеет смысл говорить о том, что основы *vā́r-* и *udán-*, с одной стороны, и, с другой стороны, основа *udaká-* распределены в Ведах не по значению, а хронологически. Лексемы *vā́r-* и *udán-* уже в Атхарваведе представляют

[5] «just ‘water’».

[6] «*udaká-* in the oldest texts has a different shade of meaning, namely ‘water (for drinking)’».

собой архаизмы[7]; напротив, *udaká-*, впервые встречающаяся в I и X мандалах Ригведы, скорее приходит на смену обоим этим словам, чем служит изначально только заменой старого номинатива-аккузатива **u̯od-r̥*[8]. Тот же факт, что первые употребления *udaká-* в Ригведе известны в основном в именительном или винительном падежах, может быть даже случайностью, потому что самих контекстов всего шесть, при этом засвидетельствован аблатив *udakā́t* (RV 10.166.5d)[9].

Формульное употребление данных основ в схожих контекстах с дополнительным распределением действительно может говорить в пользу того, что это супплетивная парадигма. Впрочем, не стоит упускать из виду, что основы *vā́r-* и *udán-* представляют собой архаизмы Вед, и их употребление в более поздней ведийской литературе, на данных которой во многом основаны наблюдения А. Лубоцкого, может быть искусственным. Но даже если мы принимаем наличие супплетивизма рассматриваемых основ в ведийском, обязательно ли они при этом родственны на глубинном уровне? Я полагаю, что есть ряд причин отвергать это кажущееся экономным решение, как семантических, так и формальных.

Для начала необходимо подробнее рассмотреть семантику *udán-* и *vā́r-* на предмет дополнительных значений, которые могли бы указывать на первоначальное расхождение в значении их праформ.

Нельзя не отметить, что у основы *udán-* в ряде контекстов имеются оттенки значения ‘водная поверхность’, ‘волна’, ‘поток воды’, причем их можно усматривать в том числе и в двух цитируемых А. Лубоцким примерах, которые должны доказывать, что данное слово является нейтральным ведийским обозначением воды:

RV 5.45.10c udnā́ ná nā́vam anayanta dhī́rāḥ
Мудрые вели его, словно лодку по воде.

RV 5.85.6cd
ékaṃ yád udnā́ ná pr̥ṇánty énīr āsiñcántīr avánayaḥ samudrám
Что искрящиеся потоки, изливаясь,
Не наполняют водой одного океана.

Стоит указать и на не однажды встречающуюся в Ригведе контекстуальную близость основ *udán-* и *samudrá-* ‘океан’ (RV 5.85.6, RV 8.100.9), а также, например, *síndhu-* ‘река, поток’ (RV 8.32.25), говорящую в пользу обсуждаемой семантики. Далее, в эту же сторону развивается значение лат. *unda* ‘волна’, а такие родственные слова, как *samudrá-* ‘океан’, могут указывать на сходную семантическую сферу.

Значение ‘волна’ для основы *udán-* выделяется в ряде авторитетных словарей древнеиндийского языка: в Большом Петербургском словаре основа *udán-* имеет дефиницию ‘Wasserwoge, Wasser’[10] (PWG-1: 911–912), в словаре Грассмана — ‘Woge, Wasser, Wasserschwall’[11] (Grassmann 1873: 252), а в словаре Моньер-Вильямса — ‘wave, water’[12] (Monier-

[7] Их встречаемость в этом памятнике падает, особенно это касается первой из этих двух лексем: *udán-* употребляется в Ригведе 21 раз, а в Атхарваведе — только 3; *vā́r* засвидетельствовано в Атхарваведе 5-6 раз против 10-11 употреблений Ригведы. Данные о встречаемости приведены по (Grassmann 1873) для Ригведы и по (Whitney 1881) — для Атхарваведы.

[8] Подобным образом в Ригведе сохраняется творительный падеж множественного числа *st́r̥bʰis* ‘звездами’, а в Атхарваведе для обозначения звезды используется основа *tárakā-*.

[9] Косвенные падежи у основы *udaká-* в большем количестве представлены уже в Атхарваведе.

[10] ‘вал воды, вода’.

[11] ‘волна, вода, поток воды’.

Williams 1899: 183). И только во втором томе словаря Rivelex его авторы останавливаются на одном значении ‘Wasser’ ~ ‘water’ (Rivelex II: 316–317), что, на наш взгляд, не оправдывается материалом по вышеизложенным соображениям.

Не только основа *udán-* имеет дополнительные значения: основа *vā́r-*, которую во всех контекстах можно перевести как ‘вода’, в ряде случаев допускает и другие толкования.

Когда речь идет об иносказательном именовании коровьего молока, более уместен перевод ‘жидкость’ или ‘влага’, что отражено в переводе Г. Грассманном этой основы как ‘1) Wasser 2) Nass, Flüssigkeit, von der Milch’[13] (Grassmann 1873: 1260), например:

RV 4.5.8 yád usríyāṇām ápa vā́r iva vrán
pā́ti priyáṃ rupó ágram padáṃ véḥ
‘That they have uncovered it like the “water” of the ruddy (cows). He
[=Agni] protects the dear tip of the mount, the track of the bird.’

В некоторых контекстах можно усматривать значение ‘стоячая вода, пруд, болото’, что отмечено в словаре (Monier-Williams 1899: 943). Впрочем, приводимые места из Ригведы не показательны: например, в пассаже RV 9.112.4d vā́r ín maṇḍū́ka ic^{h}ati «лягушка же хочет воды» такая трактовка, очевидно, не является обязательной. Тем не менее, в Атхарваведе есть место, в котором для основы *vā́r-* хорошо подходит значение вроде ‘пруд’ или ‘запруда’:

AV 3.13.3 apakāmáṃ syándamānā
ávīvarata vo hí kam/
índro vaḥ śáktib^{h}ir devīs
tásmād vā́r nā́ma vo hitám
‘Вас, текущих против воли,
Запрудил-таки Индра
(Своими) силами, о богини.
Поэтому имя вам дано: вода(-запруда)’[14].

Нельзя не отметить, что в данном случае присутствует словесная игра и народная этимология: *ávīvarata* ‘запрудил’, корень *vr̥-* ‘покрывать; закрывать и т. д.’ ~ *vā́r-* ‘вода’. Это несколько снижает ценность приведенного отрывка, ведь невозможно определить, опирается сочинитель гимна на реально существующее значение основы *vā́r-* или нет. Таким образом, хотя семантика ‘стоячая вода, пруд, болото’ не может быть строго доказана для *vā́r-*, ее наличие в ведийском представляется вероятным.

Наконец, в двух местах *vā́r-* может переводиться как ‘дождь’:

RV 2.4.6 a-b
ā́ yó vánā tātṛ̥ṣāṇó ná b^{h}ā́ti
vā́r ṇá pat^{h}ā́ rát^{h}yeva svānīt
Он озаряет деревья, подобно тому как мучимый жаждой (кидается к воде),
Он шумит, как вода по дороге, как (колеса) колесницы.

RV 10.12.3d duhé yád énī divyáṃ g^{h}r̥táṃ vā́ḥ
‘…Чтобы пестрая (корова) доилась небесным жиром, водой’.

Несомненно, метафора ‘небесный жир’ лучше подходит к дождю, чем к воде. Значение ‘дождь’ для основ *vā́r-* и более поздней *vā́ri-* может быть дополнительно просле-

[12] ‘волна, вода’.

[13] ‘влага, жидкость, о молоке’.

[14] Перевод дается по (Елизаренкова 2005–2010).

жено благодаря ряду композитов и производных, например, *vār-vāha-* ‘туча’, *vāri-garb^{h}a-* ‘облако’, *vāri-trā-* ‘зонтик’ и т. д. (Monier-Williams 1899: 943).

Особенно важно в данной связи, что в иранских языках когнат ведийского *vā́r-* имеет именно значение ‘дождь’ — можно думать, что это и есть как минимум одно из праиндоиранских значений рассматриваемого слова. В таком случае для того, чтобы предположение А. Лубоцкого о ведийском супплетивизме изначально родственных основ оставалось в силе, необходимо считать, что значение ‘дождь’ либо развилось независимо в древнеиндийском и в иранских, либо в древнеиндийском приходится говорить о циклическом семантическом развитии ‘вода’ > ‘дождь’ > ‘вода’. Оба сценария проблематичны из-за того, что уступают в сложности решению, согласно которому ‘дождь’ — праязыковое значение для индоиранских языков. Но решающим свидетельством в данном случае может служить только реконструкция семантики основы *$\underset{\frown}{u}e/oh_1r$- на праиндоевропейском уровне.

Сначала необходимо перечислить основные когнаты, сводимые к *$\underset{\frown}{u}e/oh_1r$-: лув. *$\underset{\frown}{u}$ār(sa)* ‘вода’; др.-инд. *vā́r(i)-* ‘вода’; авест. *vāra-*, осет. *уарын* ‘дождь’ и т. д.; лат. *ūrīnor*, *ūrīnāri* ‘погружаться в воду, нырять’, *ūrīnātor* ‘ныряльщик, водолаз’, *ūrīna* ‘моча’; др.-ирл. *fír* ‘молочный; молоко (глосса)’, др.-валл. *gwir-awt* ‘крепкий напиток’; др.-исл. *úr* ‘мелкий дождь, морось’, др.-англ. *úrig-* ‘росистый’ (в составе композитов); др.-прус. *wurs* ‘пруд’ (Mallory-Adams 1997: 636; de Vaan 2008: 644).

Можно заметить, что значение ‘вода’ эксплицитно наблюдается только в лувийском и древнеиндийском. В нескольких языках засвидетельствовано значение ‘дождь’ и ‘роса’, в кельтских языках производные этого корня обозначают напитки, а в древнепрусском — водный резервуар. Особенно интересны значения латинских слов ‘погружаться в воду, нырять’ и ‘моча’. К чему же сводится весь этот набор значений?

М. де Ван, следуя распространенному мнению, утверждает, что для лат. *ūrīna* ‘моча’ наиболее вероятна первоначальная семантика ‘вода’ (de Vaan 2008: 644). Исследователь справедливо, на наш взгляд, отвергает выглядящее фантастическим предположение о том, что слово *ūrīnātor* ‘ныряльщик’ получило свое значение по той причине, что ныряльщики страдают избыточным мочеиспусканием, выдвинутое в работе (Oleson 1976). Но так ли очевидно и безальтернативно выведение значения латинского u *ūrīnor* ‘погружаться в воду, нырять’, *ūrīnātor* ‘ныряльщик, водолаз’ именно из значения ‘вода’? И чем объясняется тот факт, что абсолютное большинство слов, производных от *$\underset{\frown}{u}e/oh_1r$, имеют семантику ‘дождь’, ‘роса’, ‘пруд’ и т. д.?

Необходимо отметить, что в индоевропейских языках практически не засвидетельствовано семантических переходов ‘вода’ > ‘погружаться в воду’ или ‘нырять’ и ‘вода’ > ‘моча’; этот факт отмечает М. Шеллер в своей статье, посвященной латинским словам *ūrīna* и *ūrīnāri* (Scheller 1961: 142).

В то же время связь между значениями ‘дождь’ / ‘болото, пруд’ и ‘нырять’, с одной стороны, и ‘дождь’ / ‘болото, пруд’ и ‘моча’/‘мочиться’, с другой стороны, прослеживается на материале различных индоевропейских языков.

В итальянском литературном языке слово *tuffo* означает ‘нырок’ (ср. *tuffare* ‘погружать, окунать’ и *tuffarsi* ‘погружаться в воду, нырять’), а региональное выражение *tuffo d’acqua* — ‘короткий ливень, сильный кратковременный дождь’ (БИРС: 941).

В современном литературном немецком от прилагательного *nass* ‘мокрый, сырой, влажный; дождливый, ненастный’ образовано выражение *sich nass machen* ‘обмочиться’, а существительное *Nass* ‘влага’, часто употребляемое в поэтическом смысле, имеет следующие переносные значения: ‘1. вода (в которой плавают); 2. дождь; 3. напиток (вино, пиво) 4. вода (для бытового потребления)’[15] (DOW: Nass). Кроме того, в нижненемецких

[15] 1. Wasser (in dem man schwimmt); 2. Regen; 3. Getränk, z. B. Wein, Bier o. Ä.; 4. Wasser für den Verbrauch.

диалектах слово *Nette*, соответствующее в.-нем. *Nässe* ‘влажность, сырость’, засвидетельствовано в значении ‘моча’ (Tiling 1771: 429; Adelung 1808: 439).

Хорезмийские лексемы *čl* ‘моча’ и *čl(y)-* ‘мочиться’ родственны формам современного таджикского и памирских языков со значениями ‘мокрый’, ‘вязкий’, ‘сырое, топкое место’ ‘грязь’, ‘топь, болото’, ‘лужа’ и т. д. (Стеблин-Каменский 1999: 119–120).

У континуантов праслав. **moča/*močь*[16] имеются практически все значения, засвидетельствованные у слов, восходящих к рассматриваемой основе **u̯e/oh₁r-*: ст.-слав. *моча* ‘ливень’, др.-рус. *моча* ‘дождь, дождливая погода; моча’, диал. рус. ‘влага, вода; сырость’, сербохорв. *moča* ‘мокрота, сырость; сырая, дождливая погода; сырое, влажное место’ (ЭССЯ-19: 69–71). Значения ‘болото’ и, реже, ‘дождливая погода’ также хорошо просматриваются в многочисленных суффиксальных производных от корня **mok-/*moč-*, например, **močadlo*, **močagъ/*močaga*, **močakъ*, **močalъ/*močalь*, **močarъ/*močara*, **močavina/*močevina* и т. д. (ЭССЯ-19: 71–76). Далее, в.-луж. *mokry*[17] ‘мокрый; подвыпивший’ и польск. *mokre wino* ‘легкое, слабое вино’ так же, как и одно из значений нем. *Nass* ‘напиток (вино, пиво)’, показывают, каким образом у кельтских когнатов и.-е. **u̯e/oh₁r-* могла появиться семантика, связанная с напитками. Глагол **močiti* имеет значение ‘погружать в жидкость’ (ЭССЯ-19: 81–82), от которого легко может развиться и значение ‘нырять’.

Приведенные параллели показывают, что М. Шеллер был действительно в целом прав, указывая, что латинское существительное *ūrīna* вследствие наличия суффикса *-īna*, который имел собирательное значение, должно было иметь какую-то семантику, отличную от ‘вода’, например, ‘лужа’ (‘Pfütze’, ‘Lache’, ‘Tümpel’), какой-либо природный водный резервуар; глагол *ūrīnāri* при этом мог первоначально означать ‘погружаться в водоем’ (Scheller 1961: 142–144).

Поскольку в славянских и немецком примерах спектр значений ‘дождь’/‘болото’/‘моча’/‘погружать(ся) в воду’ очевидным образом развивается на основе исходной семантики ‘мокрый, сырой, влажный’, можно утверждать, что с большой долей вероятности первоначальное значение имени **u̯e/oh₁r* — ‘влага, сырость’, а не ‘вода’. Производные этого существительного, которые засвидетельствованы в том числе в латыни и германских языках, при этом имели значение ‘дождливая погода; дождь’ и ‘сырая, влажная местность’, подобно тому как целый ряд праславянских суффиксальных образований от корня **mok-/moč-* имеет значение ‘болото’ или ‘дождливая погода’. Именно предлагаемая семантическая реконструкция позволяет объяснить достаточно широкий разброс значений производных основы **u̯e/oh₁r-*. Примечательно, что в вед. *vā́r-* можно обнаружить значительную долю этого разброса, если принимать для ряда контекстов перевод ‘влага, жидкость’, ‘дождь’ и ‘стоячая вода, болото’. Здесь необходимо подчеркнуть, что, несмотря на близость семантики ‘вода’ ~ ‘влага’, в целом за исключением лув. *u̯ār(sa)* ‘вода’, вед. *vā́r-* ‘вода’ и прагерм. **wēta* ‘мокрый, влажный’ (Kroonen 2013: 583), производные корней **u̯e/oh₁r-* и **u̯ed-/*u̯od-* практически не пересекаются, что говорит в пользу их автономности в праязыке. Так аргументом для сближения **u̯e/oh₁r* и **u̯od-r̥* ‘вода’ в конечном счете остается только формальная близость[18].

---

[16] Восходит к корню **mok-/*moč-*, представленному прежде всего в **mokrъ(jь)* ‘мокрый; сырой, влажный; дождливый’ (ЭССЯ-19: 144–147).

[17] Здесь стоит отметить, что второе значение лужицкого слова появилось под немецким влиянием.

[18] Здесь нельзя не заметить, что формальная и семантическая близость еще ни о чем не говорят: так, на корень **u̯ed-/*u̯od-* очень похож корень **u̯eg^w-/*u̯og^w-* ‘мокрый, влажный’ с точно таким же значением, как у **u̯e/oh₁r-*, реконструируемый на основании греч. ὑγρός ‘мокрый, влажный’, лат. *ūuidus* ‘мокрый, влажный’ и др.-исл. *vǫkr* ‘влага, сырость’ (Beekes 2010: 1525–1526), но значит ли это, что надо искать возможность сравнивать их напрямую?

Судя по примерам и общим соображениям, праиндоевропейское существительное *u̯e/oh₁r теоретически может восходить к прилагательному со значением ‘мокрый; сырой, влажный’ или глагольному корню ‘быть мокрым; быть сырым, влажным’, но никаких положительных указаний на этот счет в индоевропейских языках нет.

Теперь, когда рассмотрена проблема семантики, можно переходить к анализу формальных особенностей основы *vā́r-* как наименее прозрачной (членение *ud-án-* и *ud-aká-* вопросов не вызывает).

Двусложное скандирование и реконструкция и.-ир. **vaHar* действительно приводит к реконструкции *u̯e/oh₁r, но стоит все же дополнительно обсудить членение *u̯e/oh₁-r, вводящееся А. Лубоцким как само собой разумеющееся. Безусловно, оно выглядит таковым, ведь корень с последовательностью **HR* необычен для праязыка. Тем не менее, в праиндоевропейском можно привести в пример имена с похожей структурой, в которых отделение конечного сонанта от корня подобной структуры основано практически исключительно на формальных соображениях и корневых этимологиях.

Например, в праязыковом обозначение луны и месяца, **meh₁n-es-*/**meh₁n̥-s-*, обычно выделяют корень **meh₁-* ‘мерить’, но это представляется неоправданным, потому что в таком случае у этой архаичной основы окажется сразу два суффикса подряд. Более того, исходным значением придется считать ‘месяц’ при типологически обычном обратном семантическом переходе. Еще один релевантный пример — и.-е. **i̯eh₁r-* ‘год’. Данное имя чаще всего считается гетероклитическим на основании данных Младшей Авесты (Martinez & de Vaan 2014: 52), но А. С. Николаев убедительно показывает, что авестийские свидетельства в пользу такого предположения сомнительны, ведь подозрительно признавать за очень поздними и текстологически неясными формами *yā̊*, *yā* рефлекс древнего родительного падежа **i̯eh₁-n̥-s* (Николаев 2010: 21-27). Далее исследователь предлагает анализировать основу **i̯eh₁r-* как делокативный дериват от корня **h₂ei̯-* ‘раннее время’ (Николаев 2010: 49). Стоит отметить, что альтернатива, предложенная А. С. Николаевым, также представляется чистой гипотезой. Соответственно, наличие в праязыке с трудом анализируемых корней с данной структурой, наблюдаемой и у **u̯e/oh₁r-* — не уникальное явление.

Поэтому отсутствие хорошо известного корня **u̯eh₁-* с определенным значением, например, ‘влажный’ или ‘быть влажным’, не говорит о том, что его не могло быть в древности, а позже он был утерян и сохранился только в производном имени. Суффикс же *-r* при этом также может трактоваться не только как гетероклитический, ведь значение суффикса *-n-* в слове ‘луна’, если его все же выделять, тоже не поддается однозначному установлению.

Если же в праформе **u̯e/oh₁r* считать возможным анализировать **-r* не как суффикс, а как часть корня, замечание А. Лубоцкого о сомнительности наличия в праиндоевропейском имен среднего рода с суффиксом **-r* (Lubotsky 2013: 161) вовсе теряет вес.

Наконец, остается вопрос о реальности постулируемого перехода **d* > **h₁* в реконструируемом имени **u̯e/oh₁r*. Переход **d-* в глоттальную смычку (в том числе такую фонетическую реализацию мог иметь первый ларингал) неудивителен; тем не менее, на мой взгляд, имеющиеся доводы в пользу существования этого перехода не так сильны.

Переход **d* > **h₁* перед согласными (а именно **k̑* и **u̯*), по мнению А. Лубоцкого, наблюдается в следующих формах:

греч. ἑκατόν ‘сто’ < **h₁k̑mtom* < *dk̑mtom*, πεντήκοντα ‘50’ < **penkʷe-h₁k̑omt-* < **-dk̑omt-*;

др.-инд. *dāśvā́ṃs* ‘благочестивый, набожный’ < **de-dk̑-u̯ós-*, изначально перфектное причастие от корня *daś-*;

греч. εἴκοσι ‘20’ < **ἐFīκοσι* < **h₁u̯idk̑mti* < **du̯idk̑mti*;

др.-инд. *ví* < **Hu̯i* < **du̯i* (Lubotsky 2013: 162).

Как я указывал ранее (Трофимов 2016: 1017), числительные в этом списке примеров могут быть объяснены как формы с нерегулярным развитием — их формы часто подвержены нерегулярным усечениям и видоизменениям при быстром счете или под влиянием других числительных. Например, рус. *тринадцать* восходит к др.-рус. *три на десяте*, лат. *mīlle* ‘тысяча’ развилось из **sm-ih₂-ĝhes-l-ih₂-* ‘одна тысяча’ с этапами праит. **smīχeslī* > **mīhēli* > **mīhīle* > *mīlle*. Так и в числительном ‘100’ могло происходить нерегулярное выпадение первого слога в праформе **dek̂m̥tóm* или **dék̂m̥(t) dekm̥tóm*[19]; греч. ἑ могло появиться на греческой же почве из **ha-* < **sm̥* с заменой **a* на **e*, подобной той, что наблюдается в ἕτερος ‘другой (из двух)’ из ἅτερος (Kümmel 2009: 302). В случае морфемы *-dk̂omt-* речь может идти о простом заместительном удлинении при выпадении **d*, а диалектная форма (ϝ)ίκατι может предполагать праформу **wīkn̥ti* без первого ларингала (Kümmel 2009: 302).

В случае с *dāśvā́ṃs* упрощение срединного сложного кластера из трех согласных могло происходить в том числе и на собственно индоиранской или даже индийской почве. Наконец, для возведения др.-инд. *ví* к **h₁u̯i* < **du̯i* нет серьезных оснований: даже само наличие ларингала в праформе не может быть прямо установлено, а отнесение корня *vidh-* ‘служить, поклоняться’ к *vi-* также является всего лишь гипотезой.

Этимологии, приведенные в (Lubotsky 2013: 162–163) и (Garnier 2014), привлекательны, но не могут служить надежным аргументом в пользу перехода **d* > **h₁* хотя бы потому, что это корневые этимологии, а семантика ни в одном случае не совпадает в полной мере. Например, корни **med-* и **meh₁-* могут быть переведены как ‘мерить’, но у первого во всех языках наблюдаются юридические коннотации, а у второго нет. Подобные корневые этимологии предлагались, например, Г. Хенигсвальдом для обоснования наличия s-mobile в корнях, начинающихся ларингальным, в традиционном понимании — гласными; из десяти первых предлагаемых им схождений[20] ни в одном случае нельзя говорить о полном тождестве, хотя сравнения вроде лат. *senex* ‘старый’ ~ лат. *anus* ‘старуха’ любопытны (Hoenigswald 1952).

Как уже было сказано выше, притом что сами примеры, призванные доказать фонетический переход **d* > **h₁*, являются сомнительными, конечный кластер **-dr* именно в таком виде без перехода **r* в слоговой и без наличия параллелей в праязыке не увеличивает правдоподобия гипотезы о родстве **u̯e/oh₁r* и **u̯od-r̥*. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что хетт. *u̯atar* ‘вода’ может быть прямо возведено к **u̯od-r̥*[21], а в древнеиндийском есть формы вроде *sam-udrá* ‘океан’. Впечатление же эксклюзивной фонетической и семантической близости **u̯e/oh₁r* и **u̯od-r̥* в значительной степени смазывается наличием корня **u̯eg^w-/*u̯og^w-* ‘мокрый, влажный’, у греческого производного которого есть даже суффикс **-ro-*, усиливающий фонетическое сходство всех трех основ.

Все вышеприведенные соображения доказывают, что др.-инд. *vā́r-* и *udán-* восходят к разным корням: **u̯e/oh₁r-* (или **u̯e/oh₁-*) ‘влага, сырость’ и **u̯ed-/*u̯od-* ‘вода’. Закономерный номинатив-аккузатив *#vā́dar* не сохранился[22] и, возможно, был замещен похожим по

[19] Эта реконструкция приведена в (Szemerényi 1960: 140). У такой праформы есть определенное преимущество перед **dk̂m̥tom*: становится ясно, почему не происходит переход **dk̂-* > **tk̂-* с дальнейшим развитием в *kṣ-* в древнеиндийском, κτ- в древнегреческом и т. д.

[20] Последние три, готск. *uf* ‘над’ ~ лат. *sub* ‘под’, греч. ἄνευ ‘вдали; без’ ~ др.-инд. *sanutár* ‘в стороне’, др.-инд. *ákṣi-* ‘глаз’ ~ хетт. *sakuu̯a* ‘глаз’, не принадлежат автору статьи, были предложены ранее и признаются до сих пор.

[21] В этой связи предположение А. Лубоцкого о том, что хеттский номинатив был восстановлен по аналогии с косвенными падежами (Lubotsky 2013: 162), в очередной раз усложняет картину.

[22] Назвать определенную причину исчезновения предполагаемой формы *#vā́dar*, к сожалению, не представляется возможным.

форме номинативом-аккузативом *vā́r- /váar/* ‘дождь’, после чего последний стал значить ‘вода’, хотя и сохранял в ряде случаев такие свои старые значения, как ‘влага’ или ‘дождь’. Позднее обе эти основы были вытеснены суффиксальным образованием *udaká-* ‘вода’. В послеведийском санскрите также встречается *vā́ri-* ‘вода’, причем часто речь идет именно о дождевой воде, ср. MBh I. 16, 24 vāriṇā meghajenā ‘водой, рожденной из облака’ и т. п. (PWG-6: 940–941).

Проведенное исследование показывает, что самый хороший пример, которым располагали сторонники гипотезы о переходе $*d > *h_1$ в праиндоевропейском (чередование в одном языке в пределах парадигмы при полном семантическом совпадении), оказывается несостоятельным. Кроме того, удалось установить, что основа $*\underset{\frown}{u}e/oh_1r-$ имела значение ‘влага, сырость’ и является основным претендентом на это праязыковое значение в силу того, что встречается в анатолийской группе языков и широко представлено в узкоиндоевропейском. Семантические переходы ‘влага’ > ‘вода’, ‘дождь’, ‘пруд, болото’, ‘моча’, ‘напиток’, наблюдаемые у производных $*\underset{\frown}{u}e/oh_1r-$, подтверждаются подобными же переходами, засвидетельствованными в различных индоевропейских языках.

Литература

БИРС = Зорько, Г. Ф., Майзель, Б. Н., Скворцова, Н. А. 2002. *Большой итальянско-русский словарь.* Москва: Издательство «Русский язык».

БТС = Кузнецов, С. А. 2000. *Большой толковый словарь русского языка.* Санкт-Петербург: Норинт.

Елизаренкова, Т. Я. (пер.) 2005–2010. *Атхарваведа. В 3-х томах.* Москва: «Восточная литература» РАН.

Елизаренкова, Т. Я. (пер.) 1989–1999. *Ригведа. В 3-х томах.* Москва: Наука.

Николаев, А. С. 2010. *Исследования по праиндоевропейской именной морфологии.* Санкт-Петербург: Наука.

Стеблин-Каменский, И. М. 1999. *Этимологический словарь ваханского языка.* Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение».

Трофимов, А. А. 2016. Действовало ли в праиндоевропейском правило *TKṆ̥ > *KṆ̥? *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XX*: 1011–1019.

ЭССЯ-19 = Трубачев, О. Н. (ред.) 1992. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 19: męs⁽⁾arь — morzakъ.* Москва: Наука.

References

Adelung, Johann Chr. 1808. *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart. Bd 3. N–Scr.* Wien: Pichler.

Beekes, Robert S. P. 2010. *Etymological dictionary of Greek.* Leiden/Boston: Brill.

BIRS = Zor’ko, G. F., Mayzel’, B. N., Skvorcova, N. A. 2002. *Bol’shoj ital’jansko-russkij slovar’.* Moskva: Russkij jazyk.

Brereton Joel P., Stephanie W. Jamison (trans.) 2014. *The Rigveda. The earliest religious poetry of India.* Oxford / New York: Oxford University Press.

BTS = Kuznecov, S. A. 2000. *Bol’shoj tolkovyj slovar’ russkogo jazyka.* St.-Petersburg: Norint.

DOW = *Deutsches Online Worterbuch DUDEN.* Available: http://www.duden.de [Accessed 20. 05. 2017].

Elizarenkova, T. Ja. (transl.). 1989–1999. *Ṛgveda.* 3 vols. Moskva: Nauka.

Elizarenkova, T. Ja. (transl.). 2005–2010. *Atharva Veda.* 3 vols. Moskva: Vostochnaja literatura.

ESSJa-1 = Trubachev, O. N. (ed.). 1992. *Etimologisheskij slovar’ slav’anskikh jazykov. Praslav’anskij leksicheskij fond. Vypusk 19: męs⁽⁾arь — morzakъ.* Moskva: Nauka.

Garnier, Romain. 2014. Nouvelles réflexions sur l’effet-Kortlandt. *Glotta* 90:140–160.

Grassmann, Hermann. 1873. *Wörterbuch zum Rig-veda.* Wiesbaden: O. Harrassowitz.

Hoenigswald, Henry. 1952. Laryngeals and s Movable. *Language* 28 (2): 182–185.

Kroonen, Guus. 2013. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic.* Leiden/Boston: Brill.

Kümmel, Martin. 2009. Typology and reconstruction. The consonants and vowels of Proto-Indo-European. In: B. N. Whitehead et al (ed.). *The sound of Indo-European. Phonetics, phonemics, and morphophonemics:* 291–328. Copenhagen: Museum Tusculanum Press.

Lubotsky, Alexander. 2013. The Vedic paradigm for ‘water’. In: A. I. Cooper, J. Rau, M. Weiss (ed.): *Multi Nominis Grammaticus. Studies in classical and Indo-European linguistics in honor of Alan J. Nussbaum on the occasion of his sixty-fifth birthday:* 159–164. Ann Arbor / New York: Beech Stave Press.

Mallory, James P., Douglas Q. Adams. 1997. *Encyclopedia of Indo-European culture. Ed. by J. P. Mallory and D. Q. Adams.* London/Chicago: Fitzroy Dearnborn Publishers.

Martinez, Javier, Michiel de Vaan. 2014. *Introduction to Avestan.* Leiden/Boston: Brill.

Monier-Williams, Monier. 1899. *A Sanskrit-English dictionary: etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages.* Oxford: The Clarendon Press.

Nikolaev, A. S. 2010. *Issledovanija po praindoevropejskoj i imennoj morfologii.* St.-Petersburg: Nauka.

Oleson, John P. 1976. A Possible Physiological Basis for the Term urinator, “diver”. *The American Journal of Philology* 97 (1): 22–29.

PWG = Böhtlingk, Otto, Rudolf Roth. 1855-1875. *Sanskrit Wörterbuch, herausgegeben von der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von Otto Böhtlingk und Rudolph Roth. 7 Bde.* St-Petersburg: Eggers.

Rivelex = Krisch, Thomas et al. 2012. *Rivelex: Rigveda-Lexikon. E -Book -Ausgabe. 2 Bde.* Graz: Leykam.

Scheller, Meinrad. 1961. Lateinisch *ūrīna* und *ūrīnārī* (ūrīnāre) 'tauchen' // *Museum Helveticum* 18 (3): 140–149.

Steblin-Kamenskij, I. M. 1999. *Etimologisheskij slovar’ vakhanskogo jazyka.* St.-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Tiling, Eberhard. 1771. *Versuch eines bremisch-niedersächsischen Wörterbuchs, worin nicht nur die in und um Bremen, sondern auch fast in ganz Niedersachsen gebräuchliche eigenthümliche Mundart nebst den schon veralteten Wörtern und Redensarten in bremischen Gesetzen, Urkunden, und Diplomen, gesammelt, zugleich auch nach einer behutsamen Sprachforschung, und aus Vergleichung alter und neuer verwandter Dialekte, erkläret sind. Theil 5. T–Z.* Bremen: Förster.

Trofimov, A. A. 2016. “Dejstvovalo li v praindoevropejskom pravilo *TKṆ̥ > *KṆ̥?” *Indoevropejskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija-XX*: 1011–1019.

Vaan, Michiel. 2008. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages.* Leiden/Boston: Brill.

Wackernagel, Jackob. 1975. *Altindische Grammatik. Bd. 3. Nominalflexion — Zahlwort — Pronomen.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Whitney, William D. 1881. Index verborum to the published text of the Atharva-Veda. *Journal of the American Oriental Society* 12: 1–383.

Artem A. Trofimov. Vedic stems *vā́r-*, *udán-*, *udaká-* ‘water’ and their paradigmatic and etymological interrelations

In this paper, I examine three Vedic stems: *vā́r-*, *udán-*, and *udaká-*, meaning ‘water’, in the light of the hypothesis that *vā́r-* and *udán-* formed a suppletive paradigm in Vedic and reflect two related PIE forms, **u̯e/oh₁r* and **ud-en-*. According to this view, formulated by M. de Vaan and A. Lubotsky, *vā́r-* reflects the old PIE heteroclitical nom.-acc. form **u̯od-r* and *udán-* reflects the oblique stem **ud-en-* ‘water’, because of the conditioned sound change **d* > **h₁* in PIE. My research shows that, while *vā́r-* and *udán-* could indeed form a suppletive paradigm in Vedic, they are probably unrelated on the PIE level. The meaning of the independent noun **u̯e/oh₁r* was ‘wet, moist’, and all attested meanings of its derivatives could develop from this semantics, among them Avestan *vāra-* ‘rain’; Latin *ūrīnor, ūrīnāri* ‘to plunge under water, dive’, *ūrīna* ‘urine’; Old Irish *fír* ‘milky; milk (gloss)’, Old Welsh *gwir-awt* ‘strong drink’; Old Norse *úr* ‘drizzle’, Ols English *úrig-* ‘dewy’ (in compounds); Old Prussian *wurs* ‘pond’ etc. A remarkable parallel for such semantic development can be found in Slavic: reflexes of the Proto-Slavic noun **moča/*močъ* ‘wet, moist’ have the meanings ‘wet, moist’, ‘rain’, ‘rainy weather’, ‘marsh, swamp’, ‘urine’ etc. It is further established that the unusual phonetic appearance of **u̯e/oh₁r-* is insufficient reason to analyze it as containing the root **u̯eh₁-* and the

suffix *-*r*; the same can be said of PIE **i̯eh₁r-* 'year'. Finally, I analyze the assumed sound change **d* > **h₁*, listing the most significant cases, and conclude that these examples are not fully convincing, while the phonetic conditioning of this sound change is obscure. According to these data, the correlation between the stems *vā́r-*, *udán-* and *udaká-* can be described as follows: the regular heteroclitic nominative-accusative *#vādar* was lost and supplemented by the similar nominative-accusative *vā́r-* /*váar*/ 'wet, moist; rain'. The latter received the meaning 'water' but retained its earlier meanings 'wet, moist' and 'rain' in several cases. Later both *vā́r-* and *udán-* were replaced by the noun *udaká-* 'water', which was the cognate of *udán-* and became the basic word for 'water' as early as the Atharvaveda.

Keywords: Proto-Indo-European, Vedic language, suppletive paradigms, sound change, semantic shifts, semantic reconstruction.